

Идея болѣзни въ ученіи Парацелса должна была измѣниться. Въмѣсто языческаго направленія къ поклоненію природѣ и подчиненію тѣла и духа челоѣка слѣдой борьбѣ стихій, въ нее вошло религіозное понятіе вѣчнаго и постояннаго отношенія между организмомъ и силами природы, оживленными дѣйствіемъ и присутствіемъ Божьяго промысла. Основаніе мудрости исходитъ отъ Бога; природа представляется органически живою, созидаемою и существующею Богомъ, и потому величественною и до послѣднихъ подробностей гармонически сочлененною. Жизнь ея есть что-то разумное, духовное, потому что Богъ живетъ въ ней. Съ другой стороны челоѣкъ, какъ подобіе Божіе, есть природа въ маломъ размѣрѣ, но въ высшей потенціи. *Homo est microcosmus sensibilitate praeditus* (1. 574). «Знайте», говоритъ Парацелсъ, «что челоѣкъ состоитъ изъ двухъ частей: одна изъ элементовъ, это тѣло и кровь его, другая—чувства и мысли;—они происходятъ изъ звѣздъ» (11. 346). «Небо управляетъ мыслию челоѣка;—элементы—тѣломъ его». (1. 326). «И такъ челоѣкъ есть малый міръ, т. е. онъ имѣетъ въ самомъ себѣ всѣ свойства міра; потому онъ и есть Микрокозмъ, пятое существо» (*das fünfte Wesen*). *Also ist die gross Welt Vater der kleinen Welt.* (11. 344).—Но, допуская эту зависимость, Парацелсъ не считаетъ жизнь челоѣка страдательнымъ состояніемъ, не отвергаетъ самостоятельности ея. Въ томъ вѣкѣ, когда всѣ

умы напряжены были къ умственному созерцанію надзвѣзднаго міра, сліяніе жизни челоѣка съ жизнью планетъ не есть понятіе анахроническое. Помѣстить небо съ его планетами и чудесами³⁰⁾ въ идею жизни организма было несравненно приличнѣе Парацелсу, чѣмъ современнику нашему, прославленному Аристотелемъ XIX вѣка.

Кромѣ тверди, въ челоѣкѣ, какъ части природы, находятся элементы: тѣло его состоитъ изъ воды и земли, жизнь—изъ огня и воздуха (1. 326. 7.); соки, происходящіе изъ сліянія элементовъ, наполняютъ тѣло и матерію, образующую составъ его (*complexio*). Всѣ эти составныя части организма подчинены общей необходимости измѣненія и разрушенія (*Zerbrechung, Zertheilung, Spaltung*); эти состоянія составляютъ собою болѣзнь, какъ естественное слѣдствіе измѣненія потенцій и частей природы, входящихъ въ составъ организма. Болѣзнь можетъ состоять въ нарушеніи относительной дѣятельности органовъ, происходящемъ отъ неправильнаго вліянія созвѣздій на соответствующіе имъ органы,—въ измѣненіи отношеній элементовъ, въ порчѣ соковъ и измѣненіи строенія тѣла. Такимъ образомъ изъ односторонней идеи древняго міра идея болѣзни дѣлается сложнымъ, фізіологическимъ процессомъ, проявляющимся то въ томъ, то въ другомъ направленіи: силы, жидкости и твердыя части равно могутъ быть поражены ею.

Индивидуальность болѣзни уже видна въ этой идѣ.— Какъ малый міръ, организмъ чело­вѣка содержитъ въ себѣ зачатки всѣхъ произведеній элементовъ: онъ производитъ плоды и минералы, какъ природа. «Золото и изумрудъ въ природѣ», говоритъ Парацельсъ, «какъ плоды элементовъ ея, выражаютъ ея здоровое состояніе. И въ чело­вѣкѣ развитіе и избытокъ соотвѣтствующаго имъ— составляетъ здоровье и располагаетъ къ долгой жизни. Но въ природѣ есть и мышьякъ: онъ развивается и въ тѣлѣ чело­вѣка, въ видѣ веществъ, микрокосмически ему соотвѣтствующихъ; какъ *scocus auripigmenti* въ природѣ, такъ желтаница развивается въ тѣлѣ. Въ наружномъ мірѣ зло и добро смѣшано и онъ не чувствуетъ его и не страдаетъ; но организмъ чело­вѣка одаренъ чув­ствомъ и потому процессъ образованій изъ эле­ментовъ его, отдѣленіе (*separatio*) и отложеніе ихъ въ индивидуальности (*durch die Separation, welche die Species sonderet*) производитъ болѣзнь». *Wie du siehst, dass aus einem Element im Miner auf ein Tag herfürspringt das vormals nicht gehört ist an dem Ort, also verstehe auch den Ursprung der Krankheit* (III. 381.).

По этому болѣзнь есть не иное что, какъ развитіе и отложеніе въ тѣлѣ чело­вѣческомъ веществъ, соотвѣтствующихъ тѣламъ царствъ природы и въ ней изъ элементовъ развивающихся. Оно основано на зависимости и паралелизмѣ

между процессами живущаго тѣла и явленіями жизни міра.— Въ отношеніи къ самому организ­му болѣзнь есть наружное выраженіе внутрен­нихъ процессовъ прозябенія и хемизма; продук­ты ея находятся въ аналогіи съ тѣлами при­роды, развиваются постепенно, растутъ, инди­видуализируются и отлагаются въ самостоятель­ныя формы, какъ виды (*species*).

Начавшись отъ произвольнаго положенія, можетъ быть внушеннаго впечатлѣніями созер­цанія чудесъ природы, въ первый разъ тогда подвергнутыхъ сужденію чело­вѣка,— эта идея болѣзни въ отдѣльныхъ примѣненіяхъ еще имѣла много страннаго. По недостатку изслѣдованій она не могла развиваться въ частныя понятія, которыя подтверждались бы анализомъ. И по­тому они по большей части произвольны. Такъ напр. продуктъ лихорадочнаго процесса Пара­цельсъ считаетъ за смѣсь сѣры съ селитрою, и потому лихорадка называется у него *morbus nitri sulfure incensi* (I. 340),—подагра основана на развитіи въ микрокосмѣ солей, какъ то *alumina, vitriola, acetum, amphora, berberis* и т. п. и отложеніи ихъ въ членосоставной жид­кости. (I. 540). *Das Rothlauf hat seinen meisten Ursprung in den Dingen des Tartari* (I. 307), также, какъ камни, кислоты первыхъ путей и множество другихъ видовъ болѣзней. *Apoplexia est morbus cachimialis sublimatus* (I. 34) и т. п.

«Если мы будемъ называть», говоритъ онъ, «*morbus est ascorinus, aegritudo est anthera*, то врачъ будетъ умиать въ микрокосмъ, какъ и въ природѣ, узнавать анатомію болѣзни. Называйте *morbus pulegii, melissae, sabinae*,—тогда въ самомъ имени будетъ лежать мысль леченія. Вы говорите: болѣзнь крови, печени и т. п., кто же указываетъ вамъ здѣсь на кровь и печень? Истинный врачъ, послѣдователь натуральной медицины, говоритъ: это *morbus helleborinus*, это *morbus terpentinus*, это *morbus sileris montani*, а не: это *phlegma*, это *brancha* (?), это *rheuma*, это *coryza*, это *catarrhus*» (1. 207).

Принимая въ болѣзняхъ повтореніе процессовъ наружнаго міра, то физическихъ, какъ громъ, которымъ онъ объясняетъ существо падучей болѣзни (1. 593), или засуха, которую онъ видитъ въ чахоточномъ тѣлѣ (1. 552) и т. п., то растительныхъ, то химическихъ, развивающихся въ организмъ, какъ интегральной части природы, отъ вліянія созвѣздіи и воли Промысла,—Парацельсъ сообщилъ идеѣ болѣзни физиологическое значеніе. Это сложный процессъ съ самобытнымъ проявленіемъ и индивидуальностію силъ и матеріи. Каждая болѣзнь, по его мнѣнію, есть цѣлый челоѣкъ и имѣетъ невидимое тѣло, *corpus microcosmi, microcosmum*. Оттого челоѣкъ въ болѣзни двойствененъ (*selbänder*), имѣетъ два тѣла, заключенныя другъ въ другъ: какъ вода

и поташъ, ею разведенный. Хотя при этомъ *homo morbus* поражаетъ одинъ членъ болѣе, чѣмъ другой и въ немъ легче узнать ее, чѣмъ въ другомъ, но все таки это одинъ челоѣкъ, во всѣхъ членахъ цѣльный и во всѣ члены тѣла онъ вноситъ равную смерть—(1. 585.)—Далѣе, какъ процессъ самостоятельный, болѣзнь имѣетъ силу дѣйствительнаго развитія и переходитъ фазы прозябенія и химическихъ образованій. Начинаясь отъ стѣмени, она развивается въ корни и вѣтви и наконецъ даетъ отъ себя цвѣтъ и плодъ.—«Въ началѣ», говоритъ Парацельсъ въ толкованіи VI Афор. Гиппокр., «мы съедемъ жолудь въ землю; растеть онъ такъ долго, что наконецъ изъ него вырастаетъ большое дерево. Вотъ въ началѣ, т. е. когда это былъ молодой стволъ, можно было обрѣзать его хлѣбнымъ ножомъ, но наконецъ на это нужно имѣть большую сѣкиру..... Такъ и съ болѣзнями: онъ въ началѣ молодой, потомъ растутъ, дѣлаются болѣе и сильнѣе и наконецъ доходятъ до полнаго развитія своего»—(1. 700). Наконецъ на той же самостоятельности развитія, которую Парацельсъ внесъ въ идею болѣзни, онъ основываетъ и самобытность и независимость ея матеріи отъ матеріи тѣла.

Идея болѣзни Парацельса, стѣсненная недостаткомъ объективных изслѣдованій, могла свободно расширяться только въ одномъ направленіи—мистической зависимости болѣзней отъ

надвѣзднаго міра и потому скоро потерялась въ области Кабалистики, Гороскопіи и Магіи. Въ вѣкъ предшественника Коперника, Гассенди, Галилея, Гарвея, Кеплера и Невтона природа въ первый разъ предстала неопытному глазу чловѣка во всемъ разнообразіи и полномъ величіи своемъ. Отъ этого роскошнаго, величественнаго, зрѣлища онъ удержалъ въ своихъ понятіяхъ одни неиспытанныя до тѣхъ поръ впечатлѣнія вѣчнаго свѣта свѣтиль, — загадочныхъ, таинственныхъ отношеній хемизма природы, — и богатства флоры, въ которой еще жили тогда Феи и Сильфиды. — И эти впечатлѣнія выразились въ наукѣ набожнымъ страхомъ всемогущества природы, планетарною Этиологіею, робкими начатками хемизма, вѣрою въ таинственную силу растений и амулеты, темнымъ ученіемъ сигнатуръ и суевѣрнымъ паралелизмомъ неба съ жизнью чловѣка. — Но между тѣмъ сколько геніальныхъ мыслей бросило въ науку ученіе Парацелса: они были презрѣны, непоняты, забыты, какъ творецъ ихъ, предчувствовавшій эту грустную участь своего великаго труда. *Neque tam sum rudis, rerumque imperitus, ut non facile conjectura assequi possim, me a paucissimis intellectum iri, a plurimis vero contemni: quippe non ignarus, falsum cum vero neutiquam consistere posse.* (111. 255.)

Въ 1644 году, въ Вильвортъ, подлѣ Брюсселя, умеръ J. Baptista van Helmont, Докторъ Меди-

цины Лувенскаго Университета, Philosophus per ignem, и оставилъ намъ сочиненія свои, посвященные Богу и Св. Троицѣ. Одаренный геніальнымъ умомъ, образованный тридцати-лѣтними наблюденіями (16. 20) и знакомый уже съ объективнымъ направленіемъ изслѣдованія природы, van Helmont сообщилъ медицинѣ совершенно новое основаніе и измѣнилъ идею болѣзни. Ученіе Коперника и Корнелія Геммы указало ему темную сторону Астрологіи (16. 4 и 5.), открытія Шварца, Торичелли и другихъ свѣтиль XVII столѣтія руководили его взглядами на природу. Не силлогизмами, которые онъ осмѣиваетъ (*plagae Aegypti, Cyniphe dialectices*), какъ осмѣивалъ ихъ Петрарка, а *demonstratione ignis mechanica* онъ объясняетъ явленія ея. И въ слѣдствіе этого направленія онъ изслѣдуетъ физически и въ примѣненіи къ медицинѣ тяжесть, давленіе, упругость воздуха, горѣніе, пустоту, сжатіе воздуха отъ паровъ, холода, тепла и высоты земли, процессъ броженія, растительности, пороховъ и удушливые газы. Паравивъ съ этимъ объективнымъ направленіемъ въ ученія его идетъ религіозное; — въ вѣкъ Лютера и Инквизиціи не могло быть иначе. Принимая смѣлость объяснять громъ, какъ естественное явленіе, основанное на законахъ природы, van Helmont еще видитъ въ немъ навожденіе демона ³¹⁾ и даже советуетъ искать отъ него спасенія въ соли, оттого, что *Sasodaemon* не любитъ ее ³²⁾. Сознавая съ Коперни-

комъ движеніе земли, онъ не рѣшается принять землетрясеніе физическимъ явленіемъ, а видитъ въ немъ трепеть планеты предъ волею Ангела. Это религіозное направленіе отражается во всей Медицинской Философіи van Helmont'a и сообщаетъ ей нѣсколько подробностей, замѣчательныхъ наивностию.

«Природа», говоритъ van Helmont, «не есть матерія въ движеніи, какъ думалъ Аристотель. *Natura jussum Dei, quo res est id, quod est et agit, quod agere jussa est*» (45. 3). Она состоитъ изъ стихій, изъ которыхъ созданы всѣ живыя и неодушевленные созданія. Но этихъ стихій только двѣ: воздухъ и вода. Въ книгѣ Бытія нѣтъ ни слова о сотвореніи огня и van Helmont не хочетъ считать его стихіею: это бы значило держаться языческихъ понятій. *Nec igitur illum inter elementa agnosco, nomenque meum Paganismo recuso* (51. 8). На этомъ основаніи онъ отвергаетъ нѣкоторыя изъ объясненій Нисологіи Парацелса и все ученіе Галена о четвероюмъ качествахъ стихій въ болезняхъ, темпераментахъ и сложеніяхъ. — Земля, по его мнѣнію, также не принадлежитъ къ стихіямъ: она измѣняется въ воду, если уничтожить ея основное существо (*per privationem suae essentiae*) (51. 16). Подвергая химическія вещества повторному пережиганію, van Helmont получалъ наконецъ щелочи, которыя растворялись въ водѣ; по этому ему казалось, что земля и всѣ минералы,

чрезъ извѣстные, болѣе или менѣе сложные, процессы, приводятся къ начальному элементу своему, — водѣ и газу, также состоящему изъ воды, проникнутой основнымъ свойствомъ тѣла (*propriate seminalis concreti*). *Adeoque ipsissima terra, naturae fulcrum, ex aqua est, non minus, quam homo, lignum, cinis, lapis etc.* (106. 43). Такимъ образомъ вода есть основная стихія, основаніе мірозданія, источникъ происхожденія всѣхъ живыхъ и неоживленныхъ созданій; она бессмертна, потому что никогда не исчезаетъ и, проникнутая силою сѣмени, обращается въ землю и живыя существа. «Посмотрите», говоритъ van Helmont, «какъ населены воды, земли. Рыбы силою врожденнаго сѣмени обращаютъ простую воду въ жиръ, кости и мясо». «Въ глиняный сосудъ я всыпалъ 200 фунтовъ земли, предварительно высушенной, полилъ ее дождевою водою и посадилъ въ нее стволъ ивы, вѣсомъ въ пять фунтовъ. Чрезъ пять лѣтъ изъ него выросло дерево, вѣсомъ въ 169 фунтовъ и три унціи. Сосудъ я поливалъ одною дождевою или дистиллированной водою; онъ былъ просторенъ, вставленъ въ землю и, для защиты отъ пыли, покрытъ желѣзною доской, выложенною оловомъ и просверленною отверстіями. — Чрезъ пять лѣтъ я снова высушилъ землю и нашелъ въ ней также 200 фунтовъ безъ двухъ унцій, такъ что слѣд. 164 фунта и три унціи дерева, не считая вѣсу листовъ, упавшихъ осенью, выросли изъ одной воды (104. 30)».

Такъ объясняетъ онъ происхожденіе всѣхъ животныхъ и растений изъ воды, какъ главнаго элемента.

Но всякое рожденіе въ природѣ требуетъ сѣмени, или прирожденнаго, или развивающагося отъ броженія. Процессъ броженія (*fermentum*), известный до *van Helmont'a* только въ хозяйствѣ (*in rannificio*), здѣсь въ первый разъ является въ наукѣ, для объясненія физическихъ и органическихъ явленій. При рожденіи отъ сѣмени въ матерію вдыхается жизненная сила, и типъ сходства съ производящимъ (*cum sui similitudine et aura vitalis*);— при происхожденіи существъ безъ посредства сѣмени, развивается броженіе въ самой матеріи или передается ей изъ окружающихъ веществъ (*aut ambientis contagio*) и возбуждаетъ въ ней жизненный паръ, который наконецъ дѣлается Археемъ (*quae dein in Archeum exaltatur*).— Ясно, что въ этомъ случаѣ *van Helmont* принимаетъ низшую степень образованія существъ, происхожденіе ихъ безъ сѣмени (*generatio aequivoca*) чрезъ броженіе, оживляющее массу безжизненную, но содержащую матеріалы для жизни. По различію броженія въ сѣмени происходятъ различныя существа: рыбы, растения, раковины, камни,— все это дѣлается изъ воды, въ которой броженіе производитъ разныя сѣмена. Кроме того, оно различно въ желудкѣ, печени, кишкахъ и т. д., по различію животныхъ и по мѣсту своего

развитія (110. 26)— (*eo quod fabricantis et recipientis variae sint alterationes in agendo* 110. 25).— Архей есть стражъ жизни органической и производителъ органическихъ переходовъ и измѣненій (*custos vitae et promotor transmutationum* 144. 3). Въ немъ скрыта сила, измѣняющая матерію и управляющая ея физическими и органическими свойствами (145. 5). Это жизненная сила (48. 10), причина жизни органической (48. 14), управляющая всѣми процессами ея.

Теорія образованія существъ изъ матеріи, перешедшей въ броженіе, близка къ той, которую ровно чрезъ 200 лѣтъ послѣ *van Helmont'a* мы начинаемъ считать истинною. То самое броженіе, которое въ наше время вызвано Либихомъ для объясненія самобытнаго, примитивнаго развитія низшихъ степеней органическаго царства, служить основаніемъ ея. Это есть свойство существовавшее (*proprietas essentialis*), способность жизненная (*facultas vitalis*). «Силою его», говоритъ *van Helmont*, «полупереваренная пища, какъ теплое молоко, подергивается корою (*pelle incrustatur*), приходитъ въ жизненное броженіе, дышетъ (*palpitat*) и мало по малу оживляется жизнью; и въ ней развиваются живыя существа». (214. 82).

Вмѣстѣ съ этою теоріей жизни должна была измѣниться идея болѣзни. Принимая только два

элемента въ природѣ, van Helmont не могъ удерживать идеи болѣзни древнихъ Греческихъ Философовъ: она казалась ему даже противоположно Правовѣрною: *Nugaces esse humores quatuor et quicquid illis hactenus est tributum, in perniciem humani generis ab ethnicis horumque Cacodaemone excogitatum.*— Съ другой стороны онъ не могъ допустить въ болѣзни понятія борьбы стихій другъ съ другомъ. Противодѣйствіе (*contrarietas*), по его мнѣнію, можетъ имѣть мѣсто только между существами раздражительными (*irascibilia*) и одаренными жизнію и движеніемъ; природа не знаетъ его и мысль о немъ въ природѣ оскорбительна и противна величію Божію. *Natura nescia contrariorum* ³³). Въмѣстѣ съ тѣмъ не могло имѣть мѣста въ его философіи природы ученіе объ основныхъ жидкостяхъ тѣла, развивающихся въ болѣзняхъ, какъ проводникахъ того или другаго качества. Опроверженіямъ этого ученія онъ посвятилъ чудесную главу своего сочиненія *Scholarum Humoristarum deceptio passiva*. Кровь имѣетъ въ глазахъ его значеніе жидкости жизненной (682. 2), переходящей въ жизненный паръ (175. 23); это матерія и органъ жизни (287. 11). Какъ вода въ мірозданіи, такъ кровь въ тѣлѣ человѣческомъ, есть основаніе жизни и бытія. *Sanguis, aqua et spiritus idem sunt* (174. 24).

Оставивъ догматическое ученіе Галена, van Helmont начинаетъ считать болѣзнь однимъ изъ явленій

природы. «Только идіоты», говоритъ онъ, «могутъ исключать болѣзнь изъ числа естественныхъ дѣятелей (*agentium naturalium*) и тѣлесныхъ существъ (*entium corporalium*),— cum et materia, quam ajunt morlificam, subinde ad digitum obvia sit, si oculis lustretur» (230. 22).— Всякая болѣзнь, по мнѣнію его, дѣйствуетъ непосредственно на жизнь чрезъ свое присоединеніе къ ней, или смѣшеніе съ нею. Болѣзненные причины въ началѣ дѣйствуютъ на одну какую нибудь часть и враждебно измѣняютъ жизнь ея; она же (*devicta et degener facta*) враждебно дѣйствуетъ противъ прочей жизни организма, неизмѣненной въ своемъ совершенствѣ. По этому жизнь есть главный объектъ болѣзни. *Vita ipsa utriusque est principale objectum hostili morbo.* (465. 9). Измѣнившись въ дѣятельности своей, жизнь своею силою, (которую van Helmont называлъ Археемъ, придавъ ему значеніе чего-то средняго между душою и тѣломъ), дѣйствуетъ на матерію организма, какъ дѣйствуетъ внутренняя сила смѣни на его матерію (*spiritus seminalis*). По этому каждая болѣзнь, какъ видъ измѣненія дѣятельности жизненной силы того органа, на который подѣйствовали вредныя потенціи, заключаетъ въ существѣ своемъ мысль (*impresam notam, ideam sigillarem*), по которой развиваются принадлежащія ей и свойственные моменты (*quae novit quid et quorsum sibi est agendum*). Какъ въ смѣни растеній скрыта сила, развивающая матерію по типу вѣчно-одинаковому, соб-

ственно растенію принадлежащему, — такъ и болѣзнь, сообщая особенное, специфическое, направление жизненной силъ, развиваетъ матерію въ извѣстное, вѣчно-одинаковое недѣлимое.

Такимъ образомъ болѣзни суть существа природы, происходящія отъ сѣмени (*entia naturae seminalia*) и развивающіяся въ индивидуальных формахъ по идеѣ, скрытой въ сѣмени ихъ, отъ дѣйствія наружныхъ причинъ, измѣняющихъ видъ и направленіе дѣятельности жизненной силы организма. Онѣ суть явленія, аналогическія съ процессомъ прозябанія, — процессы самобытнаго развитія новаго растительнаго недѣлимаго въ тѣлѣ, съ самостоятельнымъ видовымъ типомъ, какъ выраженіемъ собственной идеи, скрытой въ болѣзненномъ процессѣ (*lumen formale, idea sigillaris*). — Въ отношеніи къ идеѣ организма, болѣзнь есть уродливое образованіе (*monstrum*), противное природѣ организма. Матеріалъ ея есть кровь, какъ жидкость, составляющая главный матеріалъ питанія и роста тѣла: она-то въ болѣзняхъ поражается болѣзненною идеею, управляющею видомъ и направленіемъ развитія недѣлимаго болѣзни.

Въ иныхъ причины болѣзни, послѣ перваго дѣйствія своего на тѣло, перестаютъ дѣйствовать, исчезаютъ въ продуктахъ образованія и какъ бы погребаются въ нихъ; — такъ камень, водянка,

язва и т. п. не заключаютъ въ себѣ идеи дальнѣйшаго образованія чего-либо другаго. Другія же содержатъ въ себѣ идею дальнѣйшаго распложенія, потому что сила растительнаго образованія не уничтожена въ продуктахъ ихъ; — таковы: чесотка, проказа, сифились и т. д. — Причины болѣзни дѣйствуютъ на жизненную силу, на Архея; — безъ нея, сами собою, части тѣла, какъ содержащія, такъ и содержимыя, мертвы и потому не могутъ проявлять въ себѣ болѣзни, какъ вида растительнаго процесса (477. 77). *Producta et morborum effectus sunt generationes seminales, dependentes sic a seminibus, quod horum proprietates referant.* — Начатокъ болѣзни лежитъ въ сѣмени не въ матеріальномъ видѣ: это уничтожило бы въ немъ способность оплодотворенія; но въ извѣстномъ смѣшеніи сѣмени лежитъ идея, характеръ, типъ болѣзни (*character sigillumve rerum in constituto agendarum..... dormit, siletque latitatque in decursu figurationis ac tantisper, dum tandem nacta materiae maturitatisque opportunitate se explicet* (372. 7). Такъ и болѣзни послѣдственныя скрываются въ жизни Архея; въ сѣмени ихъ созрѣваетъ, вмѣстѣ съ жизнію недѣлимаго, дѣятельность образованія; наконецъ, овладѣвъ матеріею, онѣ развиваются, какъ растенія изъ сѣмянъ. — Наконецъ причины болѣзней, по *van Helmont'u*, могутъ принадлежать внѣшнему міру и развиваться внутри насъ: какъ существо внѣшняго міра, и онѣ допускаютъ два вида за-

рождения, отъ сѣмени и броженія, оживляющаго матерію. Separatur a vitalibus insontibus aliquid nocuae Zizaniae et commista occasio morbi fluctant inter alimenta proba, iisdemque vel tenacius nupsit, adhaesit, torumque localem elegit.

Идея болѣзни van Helmont'a безспорно составляетъ историческое основаніе новой, современной намъ, идеи болѣзни. Сообщивъ ей значеніе растительнаго, органическаго процесса, съ самостоятельностью видоваго и родоваго типа, съ самобытностью развитія, прозябанія и жизни, съ неизмѣнностью направленія и индивидуальностью, — van Helmont поставилъ болѣзнь наравнѣ съ недѣлимыми проявленіями органическаго царства и тѣмъ сообщилъ ей идею естественно-историческій смыслъ. Объясненная Сиденгамомъ, Меккелемъ, Штаркомъ, Яномъ, Аутенритомъ и Шенлейномъ, и далѣе развитая усиліями естественныхъ наукъ, эта идея болѣзни сдѣлалась основаніемъ новой раціональной Патологіи.

Но ближайшіе послѣдователи van Helmont'a не удержали ее. Въ сочиненіяхъ ихъ она дала поводъ къ двумъ направленіямъ. Одно изъ нихъ осталось частностью, и потому мало имѣло вліянія на практическую медицину. Это *Pathologia animata*, искавшая основанія болѣзней въ развитіи животной гнилости отъ броженія и образованія инфузорій и червячковъ въ тѣлѣ. Aug.

Hauptmann, (—1674), Joh. Peter Faber, Ath. Kircher, C. Lange, A. Lewenhoeck, A. Rivinus, C. F. Paullini и Andry были представители этого взгляда въ концѣ XVII и XVIII столѣтія. Онъ былъ оставленъ почти въ самомъ началѣ, какъ односторонній Анахронизмъ. Другое направленіе было химическое: оно породило безчисленное множество медицинскихъ системъ, химическихъ и гуморальныхъ, — и осталось въ сочиненіяхъ всего прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтія. — (Otto Tachenins, Fr. de le Boë Sylvius, Bonteköe, Sennert, Becher, — Th. Mayerne, Willis, Mayow, Bayle, Hales, Stoll, Kämpf, van Swieten, Boerrhave и множество другихъ слѣдовали этому направленію).

Въ концѣ XVII столѣтія явилась совершенно новая идея болѣзни. Фр. Гофманъ ⁵⁴⁾ въ Германіи и Глиссонъ ⁵⁵⁾ въ Англіи въ одно время ввели въ физиологію произвольную теорію возбужденія. Происхожденіе ее современно начавшимся тогда изслѣдованіямъ явленій загадочной дѣятельности нервной системы, еще издревле считавшейся главнымъ факторомъ чувствительности и жизненной силы организма. — По этой теоріи жизненный процессъ состоитъ въ непрерывномъ возбужденіи жизненной силы наружными раздраженіями, къ которымъ относится дѣйствіе всей окружающей насъ природы и внутреннихъ органовъ тѣла однихъ на другіе.

Это возбужденіе производитъ всѣ отправленія тѣла и постоянное сжатіе и ослабленіе оживленныхъ волоконъ.— Когда раздраженія природы перестаютъ дѣйствовать на организмъ, то жизнь прекращается;— если они дѣйствуютъ неправильно по качеству или количеству своему, то происходятъ болѣзни. По этому болѣзнь есть не иное что, какъ качественно-или количественно-измѣненное состояніе возбужденія жизненной силы;— понятіе чисто логическое и потому ограниченное въ примѣненіяхъ своихъ къ практической медицинѣ. Принявши измѣненія жизненной силы, воображаемаго элемента органической жизни, измѣненія неуловимыя чувствомъ и потому неприводимыя въ извѣстныя величины, за главный моментъ болѣзни, это понятіе не могло допускать ни вѣрныхъ границъ между качественными моментами отдѣльныхъ болѣзней, ни положительныхъ основаній распознаванія и леченія ихъ. Въ сущности эта идея болѣзни ограничивается однимъ отрицательнымъ понятіемъ здоровья; а понятіе здоровья и жизни основывается на предполагаемой нормальной связи между природою и жизненною силою. Следовательно въ цѣломъ ученіи нѣтъ ни одной опредѣленной идеи, которая могла бы служить научнымъ основаніемъ.

Леченіе, по теоріи Гофманна, должно состоять въ исправленіи внутреннихъ движеній и отправ-

леній тѣла новыми соотвѣтствующими раздраженіями. Если простуда измѣнила ихъ, то они должны быть приведены въ порядокъ теплымъ содержаніемъ, — если болѣзнь произошла отъ дурной пищи, то леченіе требуетъ діеты и т. д. Нарушеніе правильности отправленій въ количественномъ отношеніи требуетъ возбужденія ослабленныхъ отправленій и ослабленія возбужденныхъ. Причины болѣзней, поддерживающія неправильное возбужденіе жизненной силы, прежде всего должны быть удалены отъ тѣла, — но какъ дѣйствіе наружныхъ вліяній ведетъ за собою порчу веществъ, входящихъ въ составъ организма, и они дѣлаются непосредственными причинами неправильнаго возбужденія жизненной силы, — то второй моментъ леченія необходимо долженъ состоять въ очищеніи тѣла разными путями. Потому динамическая идея болѣзни въ теоріи возбужденія сливается въ примѣненіяхъ своихъ съ идеею гуморальною. Наружныя раздраженія, дѣйствуя на нервныя волокна (по Глиссону), или на нервный сокъ (по Гофманну) и отсюда на твердыя части, необходимо должны производить измѣненія въ сокахъ организма.

Знаменитый Галлеръ, основатель новѣйшей Физіологіи, — развилъ теорію возбужденія, и посвятилъ ей лучшую часть своего знаменитаго труда, положившаго основаніе новой Физіологіи. Кто не знаетъ заслугъ его въ этомъ отно-

шеніи? 567 опытовъ, сложныхъ и трудныхъ, должны были доказать различіе между раздражительностію (*irritabilitas*) и чувствительностію (*sensibilitas*) живущихъ созданий, котораго не принимали еще многіе изъ его современниковъ (*qui cum vi sentiendi irritabilitatem confuderunt*)⁵⁶). *Diversa est vis nervosa a vi insita (irritabilitate), quod forinsecus adveniat, et a cerebro per nervos in musculos potestas feratur, qua in motum cientur. In omnibus animalibus, quibus nervi sunt, similis est ad musculos nervorum commeatus, similis a nervis interceptis paralysis, similis a nervis irritatis convulsio, quam iterum opium placat, nervus que resectus*⁵⁷). Soemmering⁵⁸) и Blumenbach⁵⁹) продолжали изслѣдованія Галлера и ученіе о раздражительности и способности чувствованія положило основаніе Нервной Патологіи. Въ концѣ прошедшаго и началѣ нашего столѣтія, она породила множество медицинскихъ теорій и системъ. Сюда относятся: ученіе Куллена, Уицера, Грегора, Мусграва, Христ. Гофманна, Block'a,⁴⁰) G. Schmidt'a⁴¹), Becker'a⁴²), Pfaff'a⁴³), частію Штолля и много другихъ. Жизнь чловѣка во всѣхъ ихъ имѣетъ видъ состоянія вынужденнаго, страдательнаго и возможнаго потому только, что наружныя впечатлѣнія дѣйствуютъ на раздражительность и чувствительность организма. Способность воспримчивости ихъ и сила противо-дѣйствія въ организмъ—служать для объясненія всѣхъ органическихъ явленій жизненнаго про-

цесса въ больномъ и здоровомъ состояніи чловѣка. Понятіе болѣзни, при такомъ взглядѣ на жизнь, должно было оставаться логическимъ, и основывалось на идеѣ количественнаго и качественного измѣненія то *нервной силы*, то *чувствительности*, то *жизненнаго вещества*, то *раздражительности*,—сплахъ произвольнаго вымысла, недопускающихъ ни изслѣдованія, ни опредѣленія, какъ тѣ устарѣлыя понятія объ архей, чувственной душѣ, жизненномъ эфирѣ и т. п., падѣ которыми смѣялись послѣдователи теоріи Витализма. Между тѣмъ, такъ какъ эти воображаемые принципы не допускали въ себѣ разнообразія качественныхъ измѣненій, какъ силы,—и потому недостаточны были для объясненія явленій безконечно-разнообразной природы,—должно было произвольно изобрѣтать новыя силы и принципъ. Витализма дѣлался безконечно сложнымъ. Оттого наука наполнилась такъ скоро темной терминологіей, которая до сихъ поръ непонятна посвященнымъ въ ея таинства и въ глазахъ непосвященныхъ придаетъ ей незаслуженную важность;—оттого такъ легко и непримѣтно развился въ нашемъ вѣкѣ детерминизмъ медицинскихъ сужденій, придающій невѣжеству и незнанію видъ ученой важности. Трудно представить себѣ въ наше время, когда труды послѣдователей Витализма почти совсѣмъ вытѣснены изъ науки, до чего могъ еще недавно доходить произволъ мудрованія въ медицину. Еще

въ началѣ нынѣшняго столѣтія одинъ изъ нихъ такъ описывалъ сущность извѣстной болѣзни:

«У нѣкоторыхъ людей бываетъ какое-то живое, полнокровное состояніе тѣла, которое въ извѣстномъ періодъ жизни подвержено *потери упругости* или *тона* въ наружныхъ частяхъ. Эта потеря сообщается всему тѣлу и особенно замѣтна въ отправленіяхъ желудка. Если она происходитъ въ то время, когда мозгъ имѣетъ еще свою силу и дѣятельность, то возбуждается жизненная сила природы и старается возобновить тонъ въ тѣхъ частяхъ, которыя его уже потеряли. Этой цѣли она достигаетъ тѣмъ, что возбуждаетъ воспаленія на извѣстныхъ частяхъ рукъ и ногъ. Если оно продолжается нѣсколько дней, то тонъ въ наружныхъ частяхъ и во всемъ тѣлѣ снова возобновляется и больной выздоравливается» и проч. Можно ли найти въ этомъ описаніи тѣнь научнаго направленія и хотя инстинктивное, отвлеченное, указаніе, о чемъ идетъ рѣчь? Между тѣмъ этотъ отрывокъ принадлежитъ одному изъ знаменитыхъ Носологовъ нашего столѣтія, двадцать пятого вѣка *подагры*, которую онъ описываетъ въ такомъ видѣ.

Теорія Джона Бровна (—1788) представляетъ собою необходимый результатъ произвольно ограниченной идеи болѣзни, какъ перифраза логическаго понятія объ ней. Онъ привелъ всѣ теоріи

Витализма къ простой способности тѣла человеческого жить отъ дѣйствія наружныхъ раздраженій;—они составляютъ истинную причину жизни, какъ состоянія вынужденнаго и страдательнаго.—На 36-мъ году жизни, рассказываетъ Биографъ его Th. Beddoies, Бровнъ получилъ подагру. По господствовавшимъ тогда произвольнымъ положеніямъ витализма, эта болѣзнь происходитъ отъ полноты и излишней силы (*e plethora e nitio vigore*);—не смотря на приличную діету, которая должна бы уменьшить и полноту и силу, пароксизмы подагры у Бровнана уменьшались. Это привело его на мысль, что подагра можетъ происходить отъ слабости и что ее должно лечить раздражающими и укрѣпляющими средствами. На этой идее, на этомъ ограниченномъ опытіи онъ основалъ свою новую систему, которая такъ много принесла вреда наукѣ и человечеству. Къ подагры онъ приискалъ много другихъ болѣзней отъ слабости, произвольно объясняя свойство ихъ для того, чтобы онъ могли занять мѣсто въ его системѣ. Вотъ начало его теоріи, вотъ содержаніе ея:

Живущее тѣло отличается отъ трупа и всего не живущаго въ природѣ *раздражимостію* (*incitabilitas*). Это есть необходимая потребность для сохраненія и продолженія жизни; безъ нея раздраженія не могутъ дѣйствовать и производить возбужденія, а жизнь со всеми ея явленіями

зависитъ отъ раздражительности и дѣйстви- тельно поддерживается однимъ раздраженіями. Къ нимъ принадлежатъ 1) отравленія тѣла: со- кращеніе мышцъ, чувство и сила мозга при мышленіи и обнаруженіи страстей, и 2) наруж- ные стимулы; теплота, пища, кровь, соки отдѣ- леній, воздухъ, яды и заразы. Во всѣхъ этихъ стимулахъ скрыта какая-то сила, слѣд. они раз- дражаютъ. Раздраженіе можетъ быть мѣст- нымъ и общимъ; это есть дѣйствіе возбуждаю- щихъ силъ, возбужденій.

Сила или количество возбуждаемости различно въ разныхъ животныхъ и у одного и то же въ разное время; — мѣсто ея — *genus nervosum*, мозгъ нервовъ и мускулы (*firmitas musculare*), но она не различна по частямъ тѣла, какъ не матерія, а свойство живущаго тѣла, отъ него нераздѣль- ное. Только одни части тѣла имѣютъ ея болѣе, чѣмъ другія. Раздраженія различны по степени, но одинаковы по свойству; всѣ феномены жизни, какъ бы они разнообразны ни были, — зависятъ отъ разной степени силы раздраженія и возбу- ждаемости. По этому возбуждаемость можно только увеличить и уменьшить, — другихъ измѣненій она не допускаетъ. Увеличеніе и уменьшеніе ея на- ходится въ обратномъ содержаніи со степенью дѣйствія возбуждающихъ силъ. Если она равна 0°, 10°, 20°, 30°, 40°, 50°, 60°, 70°, 80°, то возбуж- даемость 80°, 70°, 60°, 50°, 40°, 30°, 20°, 10°, 0°.

При началѣ жизни сумма возбуждаемости = 80°, — еще раздраженія не могли уменьшить ее. По мѣрѣ дѣйствія ихъ, въ продолженіи жизни чело- вѣка, она уменьшается въ равной пропор- ціи, какъ дѣйствуютъ раздраженія, — и увели- чивается по мѣрѣ ослабленія ихъ. Умѣренныя раздраженія поддерживаютъ здоровье; — слиш- комъ слабыя и недостаточныя производятъ бо- лѣзни отъ слабости (*morbi asthenici*); — слиш- комъ сильныя — болѣзни отъ избытка возбужденія (*morbi sthenici*). Но если сильное раздраженіе выводитъ изъ пзвѣстныхъ границъ, то также развивается слабость отъ истощенія возбуждаемости. Отъ того слабость можетъ быть двухъ родовъ: пря- мая, отъ недостатка раздраженій и ложная, отъ истощенія возбуждаемости, при дѣйствіи слиш- комъ сильныхъ раздраженій.

Всякой болѣзни предшествуетъ пзвѣстное рас- положеніе къ ней (*prædispositio, opportunitas*), т. е. среднее состояніе возбуждаемости между здоро- вымъ и состояніями астеническимъ и стениче- скимъ. Если въ здоровомъ состояніи возбуждае- мость равна 40°, въ астеніи 0°, въ стеніи 80°, то расположеніе къ астеническимъ болѣзнямъ = 25°, къ стеническимъ = 55°. Для мѣстныхъ бо- лѣзей расположеніе не существуетъ. Такъ какъ жизнь чело- вѣка состоитъ въ возбуждаемости, въ восприимчивости раздраженій и противодѣйствіи имъ, а они въ свою очередь истощаютъ возбу-

ждаемость организма, то необходимо слѣдуетъ, что постоянное употребленіе слишкомъ сильныхъ раздраженій и слишкомъ сильное и частое дѣйствіе ихъ должны сокращать жизнь. Тѣмъ болѣе, что ни одно раздраженіе не можетъ исключительно дѣйствовать на одну часть организма, — каждое изъ нихъ поражаетъ возбуждаемость въ цѣломъ тѣлѣ ⁴⁴).

Исторія Витализма одинакова съ ходомъ развитія методической теоріи и Бровнъ также долженъ былъ упростить его, какъ методисты упростили ученіе Асклепіада. Тутъ нѣтъ мѣста ни одной изъ точныхъ наукъ, подающихъ медицинѣ вѣрныя указанія о темныхъ законахъ жизни и болѣзни. Это не наука, основанная на опытѣ и философіи, — а методъ эмпирическаго леченія, во всѣхъ случаяхъ одинаковаго, основаннаго на субъективномъ сужденіи о причинахъ болѣзни. *Nosologia damnanda!* говоритъ Бровнъ, а вмѣстѣ съ нею должны быть забыты и всѣ другія отрасли раціональной медицины. Распознаваніе болѣзней основывается на свойствахъ предшествовавшихъ причинъ наружныхъ и случайныхъ, на произвольномъ отношеніи ихъ къ возбуждаемости и воображаемой способности ихъ увеличивать и ослаблять возбуждаемость организма. «Больной былъ некогда воспитанъ въ заведеніи для бѣдныхъ — слѣд. данная болѣзнь его есть астеническая». «Больной упалъ съ лошади, — чрезъ три

недѣли онъ ѣдетъ изъ Лейпцига въ Бамбергъ и получаетъ воспаленіе легкихъ, слѣд. это воспаленіе происходитъ отъ ложной слабости» и т. п. Возбуждающія силы извѣстнаго рода производятъ стеническія болѣзни; — недуги астеническія производятся противоположными силами; — и обратно то, что производитъ астению, лечитъ стению. Такимъ образомъ стеническое состояніе тѣла является отъ дѣйствія слишкомъ сильной теплоты, мясной пищи, ароматовъ, спиртныхъ напитковъ, мускусу, эфира, опиума, избытка крови и соковъ отдѣленія, отъ слишкомъ сильнаго движенія тѣла, напряженія ума и чувствъ и совершенно чистаго воздуха. Астенія происходитъ отъ жара, холода, сырости, растительной, копченой и соленой пищи, мяса, — сильнаго употребленія мускуса, эфира и опиума, недостатка крови, обильныхъ изверженій, сильнаго движенія, недѣятельности умственныхъ способностей и принужденнаго, напряженнаго употребленія ихъ, — отъ страстей, напряженія чувствъ и нечистаго воздуха. Міазмы и заразы равно производятъ стению и астению. — Стоить спросить больного, какимъ причинамъ онъ приписываетъ болѣзнь свою и въ отвѣтахъ его даны и діагнозы болѣзни и показанія леченія. Кроме того для распознаванія стени и астени служатъ нѣкоторые признаки, видные простому глазу и понятные непосвященнымъ въ науку. *Majorem partis incitationem indicant: effluens primum exercitati fronte in secunda valetudine sudor,*

perspiratio cohibita; in morbis inflammatio, vel ad hanc affectio vicina, delirium. Minoris argumenta sunt: perspiratio nimia, sine calore sudor maxime frigus et spissus, aliæ excretiones fusæ, spasmus, convulsio, nervorum aliquorum resolutio, mentis imbecillitas, confusio, delirium.

Также просто и лечение по Бровну. Еще у Фр. Гофмана оно имело четыре показанія: его идея болезни допускала два вида качественного измѣненія въ организмъ. Въ ученіи Бровна она допускаетъ только два вида количественнаго измѣненія воображаемой силы организма: это plus и minus степени возбуждаемости. Поэтому вся медицина его ограничивается только двумя, всегда однообразными, способами леченія. Въ болезняхъ астеническихъ должно давать опиумъ, камфору, мускусъ, эфиръ, спиртъ, валериану и тепло содержать больного;—въ степи должно пускать кровь, очищать тѣло, давать лекарства прохлаждающія и строгаго діетою и холодомъ ослаблять степень раздраженной возбуждаемости. Лекарства не отличаются другъ отъ друга частными дѣйствіями своими, но всѣ, принадлежащія къ одному классу, дѣйствуютъ одинаково, увеличивая или ослабляя возбуждаемость. Какого свойства ни была бы пища, она дѣйствуетъ также всегда одинаково, измѣняя одну возбуждаемость. Das stärkende, flüchtige, reizende der Speisen wirkt gerade auf die Erregbarkeit und

wird eigentlüh stärkend; die Masse der Speisen wirkt auf die Erregbarkeit des Magens, dehnt sie aus, reizt sie und stärkt dadurch ebenfalls, aber un- eigentlich. Auch eine Masse unnützer Speisen kann auf solche Art reizend und stärkend werden (Pharmacologia Browniana. Stuttgart, 1788 p. 90). При такомъ взглядѣ на дѣйствіе лекарствъ и принципъ неудивительно видѣть, что Бровнъ лечитъ опиумомъ и водянку и глисты, лихорадку и подагру, чуму и свищовую коллику, и много другихъ болезней,

Виталическая идея болезни въ ученіи Бровна принесла много вреда наукѣ и, вѣроятно, человечеству. Ограничивъ умственную дѣятельность врачей до того, что даже память и эмпирическая наглядность у постели больного сдѣлались измѣнчивыми для практической медицины,—она привела ее обратно къ эмпирическому состоянію. Но эта эмпирія была далеко ниже той, которую мы должны предположить въ самомъ началѣ развитія медицинскаго ученія. Тамъ открытъ былъ просторъ наблюденію и опыту, здѣсь ограниченъ онъ положеніями произвольной системы. Болезни раздѣлились на два плана и противъ каждого изъ нихъ встало по классу извѣстныхъ лекарствъ;—ответы больного о причинахъ недуга и шаткіе, двусмысленные, признаки общаго состоянія больного тѣла его принимались указателями для діагноза болезни и назначенія лекарствъ. Сложене

больного, время года, частности эпидемій, индивидуальность, видъ, мѣсто и періодъ болѣзни не принимались во вниманіе и не измѣняли постоянного назначенія ограниченного числа извѣстныхъ лекарствъ. Это было въ Европѣ въ началѣ XIX столѣтія и продолжалось почти вплоть до новой раціональной медицины, въ томъ періодѣ образованія, когда прочія науки, составляющія естествознаніе, вступали въ золотой вѣкъ свой.— А. F. Marcus, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ ученія Бровнова, рассказываетъ, что въ Бамбергской госпитали сидѣлки по таблицамъ Бровна лечили опиумомъ большую часть болѣзней съ такимъ же успѣхомъ, какъ и врачи. Wir müssen unseren Krankenwärterinnen hier die Gerechtigkeit wiederfahren lassen, dass auch sie schon die Fertigkeit besitzen, hier (въ употребленіи опиума) Ziel und Maass zu halten und auf die Kennzeichen, welche Unterricht und Routine sie gelehrt haben, genau Obacht geben ⁴⁵). Girtanner, авторъ особеннаго медицинскаго ученія, основаннаго на положеніяхъ Бровновой теоріи, предлагаетъ запасъ цѣлебныхъ средствъ, извѣстныхъ наукъ, замѣнить стекляшкою съ алкоголемъ и растворомъ опиума, какъ двумя панацеями противъ всѣхъ видовъ и родовъ болѣзней, которыя посѣщаютъ родъ человѣческій. И ослѣпленіе доходитъ наконецъ до того, что на Бровновой идѣ болѣзни основываютъ Хирургію. Franz'y Cattanio принадлежитъ мысль этого примѣненія. Изъ сочиненія его

Betrachtungen über das System von Brown. Heilbronn 1796, мы узнаемъ, что переломы костей и вывихи бываютъ трехъ родовъ: а) отъ увеличеннаго возбужденія, б) отъ возбужденія уменьшеннаго въ слѣдствіе истощенія возбуждаемости и с) въ слѣдствіе недостатка раздраженій (!).

Идея болѣзни въ ученіи Бровна основана на одномъ спекулятивномъ, произвольномъ, взглядѣ на внутреннюю сущность жизни органическихъ существъ. Основаніемъ ея служить неизвѣстная величина,—понятіе силы, недоступной изслѣдованію, неопредѣленной, неуловимой даже въ органическихъ проявленіяхъ ея. Самъ Бровнъ сознаетъ это, говоря: «мы не знаемъ ни того, что такое возбуждаемость, ни того, какъ она поражается раздражающими потенціями. Но какъ бы ни была она устроена, всякое существо при началѣ жизни получаетъ извѣстное количество или извѣстную степень энергіи ея..... Впрочемъ мы должны въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ другихъ подобныхъ предметахъ, держаться одного опыта, оставаться при однихъ фактахъ и тщательно избѣгать скользкаго изслѣдованія причинъ вообще непонятныхъ, этой змѣи философін» ⁴⁶). Если же мы не знаемъ, что такое возбуждаемость, то мы не можемъ знать и того, какъ дѣйствуютъ на нее раздраженія слабыя и сильныя. Звенья цѣпи измѣненій, лежащей въ организмѣ между впечатлѣніемъ раздраженія и явленіями возбужденія—скрыты.

отъ насъ. Произвольныя объясненія причинъ и органической сущности ихъ звучными и темными терминами и игрою воображаемыхъ силъ, — доказываютъ только недостатокъ положительныхъ свѣдѣній и стремленіе скрыть его въ пылу ученой фразеологіи. Если необъяснимая и неопредѣленная возбуждаемость организма есть внутренняя способность его самосохраненія — внутренний принципъ жизни, противодѣйствующій наружной природѣ съ цѣлю сохраненія вида и индивидуума, — то все ученіе Бровна о болѣзни приводится къ простому логическому взгляду, который раздѣляетъ съ нами и простолюдинъ, — что болѣзнь есть недостатокъ силъ, сохраняющихъ здоровье, — что она есть количественно низшая, слабѣйшая степень здоровья, — или наконецъ, что болѣзнь есть недостатокъ здоровья. Изъ развитія Бровновой идеи болѣзни въ ученіи его видно, что качественныхъ измѣненій въ организмъ онъ вовсе не допускаетъ, кромѣ напряженія и слабости волоконъ. *Tonus fibrarum determinatus* принадлежитъ здоровью, — болѣзни стеническія сопровождаются *nimia solidorum vi vel rigiditate*, — слабость ихъ соответствуетъ рыхлости. На измѣненія эковъ онъ обращаетъ вниманіе только относительно ихъ количества, — а во всемъ прочемъ патологія его есть чисто солидная. Форма болѣзни въ ней вовсе не существуетъ; а такъ какъ леченіе, если оно должно быть раціональнымъ, необходимо должно состоять изъ выводовъ отно-

шеній лекарствъ къ формамъ болѣзни, — то между теоріей Бровна и искусствомъ лечить болѣзнь находится неизмѣримое разстояніе.

Идея болѣзни Бровна слилась въ началѣ нашего столѣтія съ идеею химическою, — замѣнившею грубыя гуморальныя понятія прошедшаго столѣтія. Brandis въ Ганаверъ прежде всѣхъ ввелъ въ науку фізіологическое основное ученіе съ химической стороны: «жизненная сила», говоритъ онъ, поддерживается постояннымъ измѣненіемъ животной матеріи, — флогистическимъ процессомъ въ ней; — онъ безпрестанно оканчивается и вновь возобновляется, при чемъ оксигенъ соединяется съ углеродомъ⁴⁷⁾. Reil развилъ это ученіе въ своемъ знаменитомъ *Von der Lebenskraft*, *Archiv für die Physiologie*. 1. 1. Thomas Beddoes, James Watt, Ferriar, Carmichael, Johnstone, Trotter, Garnett, Girtanner, Reich, Pfaff и Eckartshausen — особенно способствовали слиянію его съ Бровновымъ ученіемъ. Наконецъ въ сочиненіи послѣдняго и въ произведеніяхъ послѣдователей натуральной философіи это слияніе достигло высшей точки своего развитія. Сочиненіе Eckartshausen'a, автора теозофическихъ и каббалистическихъ книгъ, зашифка жидовскаго ученія объ Aeretx и Schamaim, — представляетъ въ этомъ случаѣ странное сходство съ произведеніями трансцендентальной философіи⁴⁸⁾.